

© 2025 г.

А.П. РЯЗАНЦЕВ

РОССИЙСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОЛЕ В XXI ВЕКЕ: ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ В ИНТЕРВЬЮ С КРИТИКАМИ

РЯЗАНЦЕВ Александр Павлович – аспирант НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (ariazantsev@hse.ru).

Аннотация. Автор исследует институциональную трансформацию российского литературного процесса в XXI веке в связи с постсоветской коммерциализацией и цифровизацией текущих десятилетий. На основе интервью с литературными критиками анализируется изменение форм существования литературы, механизмов признания и статуса писателя. Переход от иерархической и бюрократически регулируемой системы литературы к фрагментированной, сетевой и нестабильной конфигурации автор объясняет, используя теорию поля П. Бурдьё. Исследование выявляет, как, несмотря на кризис традиционных институтов, литература адаптируется к рынку и цифровому пространству. Писательский труд утрачивает прежнюю экономическую и институциональную поддержку, но сохраняет свою символическую ценность благодаря открывающимся новым формам культурной активности на цифровых платформах, соединяющих авторов, читателей, критиков. Соответственно, символическая ценность современного текста формируется не только традиционными институтами (союзы писателей, «толстые» журналы), но сетевыми сообществами, электронными библиотеками и т.п. с их алгоритмическими фильтрами и рыночными механизмами.

Ключевые слова: социология литературы • литературные критики • интервью • социальное поле • репутация писателя • коммерциализация • цифровизация

DOI: 10.31857/S0132162525080112

Социология о литературе как поле социальных взаимодействий. Читатель больше не ждет от книги откровения, он ждет развлечения – с привычным разочарованием констатируют многие ведущие российские критики. «В эпоху цифрового и, соответственно, культурного перенасыщения, – продолжает главный редактор одного из «толстых» журналов, – литература все чаще воспринимается не как «учебник жизни», а как один из многих вариантов досуга наравне с сериалами, подкастами и соцсетями» (жен., 38 лет, критик). Такой сдвиг в восприятии литературы особенно контрастно выглядит на фоне исторической традиции, ведь Россия на протяжении XIX и XX вв. считалась литературоцентричной страной, где слово писателя традиционно обладало особым статусом. Как отмечает поэт и литературный критик Евгения Вежлян, феномен литературоцентризма

Материал данной статьи основан на результатах исследований, проведенных в ходе написания кандидатской диссертации на тему: «Литературная репутация в цифровую эпоху: поля, акторы, механизмы воспроизводства»

объясняется архаичным синкретизмом, за счет чего художественное слово заменяло и политическую речь, и религиозную проповедь, и философский дискурс¹. В результате профессия писателя долгое время воспринималась как сакральная, а социальный статус владеющего словом оставался исключительно высоким.

Однако в XXI в. литературный процесс в России претерпел значительные изменения, что обусловлено, во-первых, произошедшей постсоветской коммерциализацией, во-вторых, быстроразвивающейся цифровой медийностью. В советской культуре сохранялся высокий статус писательского слова в уникальных условиях партийности литературы, с одной стороны, но и беспрецедентной государственной поддержки, с другой. При этом можно сказать, что советский модернизационный проект повлиял на десакрализацию писательства, превращая литературу в одну из профессий. Значительная трансформация в литературе как институционализированной сфере общества произошла в ходе постсоветских реформ. Отныне все творчество – и писательское, в том числе – стало развиваться в условиях рыночной экономики. Дилемма творчества при капитализме: производить востребованные массовые тексты или сохранять автономность и свободу от давления массовых вкусов [Даниленко, Крендель, 2019]. Вступление в XXI век добавило еще вызовы цифровой революции, изменившей модели культурного потребления, что существенно повлияло на литературную сферу. В этих условиях социология может представить свой взгляд на новые формы существования литературы и изменения в способах управления писательской репутацией, роль критики и других участников процесса.

Представления П. Бурдьё о символическом капитале, автономии культурных сфер и механизмах признания позволяют осмыслить литературу не только как систему текстов, но как социальное пространство или поле борьбы за статус, ресурсы и влияние. Французский социолог полагал, что сфера культурного производства автономна, в ней действуют специфические правила и ценности, отличные от экономических. Статус участника в этом поле определяется объемом и природой не экономического, а символического капитала, а именно – признанием критиков, институциональной поддержкой, репутацией среди коллег и читателей [Бурдьё, 2000].

Важное значение в рамках этой теории приобретают понятия габитуса, вкуса и механизма легитимации: они позволяют понять, как формируются не только тексты, но и писательские карьеры, а также как выстраиваются иерархии. Эти понятия объясняют «скрытые пружины» литературы в качестве поля отношений. Например, габитус читателя объясняет, почему произведение одного автора воспринимается как высокая литература, а другого – как массовое чтиво, даже при равном уровне мастерства. Вкус же выступает социальным маркером принадлежности к определенной группе: человека можно идентифицировать по цитате из И. Бродского или Б. Рыжего, – сегодня, однако, такое происходит благодаря не столько текстам, сколько медийности автора. Исследования Жизель Сапиро [Сапиро, 2004], Себастьяна Дюбуа [Dubois, 2018] и Якоба Хабинека [Habinek, 2023] развили эти идеи о социальных механизмах литературы применительно к анализу международных премий, процессов канонизации и динамики репутации в глобализованном контексте. Так, Сапиро выявляет остроту борьбы за символическую власть в литературном поле, где «нотабли» и «авангардисты», «эстеты» и «массовые авторы» постоянно переопределяют границы между высоким и низким, автономным и коммерческим, превращая литературу в арену социального конфликта. Дюбуа прослеживает парадоксальную траекторию статуса французских поэтов: лишившись аристократического покровительства после Революции, они не смогли завоевать рыночную нишу, как романисты, но сохранили престиж через альтернативные системы легитимации – государственные культурные институты и академические круги, превратившись из придворных декламаторов в профессиональных «специалистов по культуре» с устойчивым символическим

¹ Везлян Е. «“Быть популярным писателем” и “быть писателем” – две разные задачи» // Интернет-издание «Пашня». URL: <https://cws.media/evgeniya-vezhlyan/> (дата обращения: 20.06.2025).

капиталом, но минимальным политическим влиянием. Хабибек же вводит понятие «скалярной медиации» на примере Нобелевской премии по литературе, показывая, как Нобелевский комитет балансирует между локальными и глобальными критериями легитимности: если в 1900-х премия отражала вкусы консервативных национальных академий, то к 1950-м она начала «масштабировать» космополитичных авторов, – но этот переход оказался не эволюцией, а чередой конфликтов, где глобальное признание достигалось через отрицание авторитетов предыдущих эпох.

В свою очередь, российские исследователи [Рейтблат, 2014; Головнёва, 2015; Дубин, 2017; Иванова, 2024] адаптируют идеи Бурдьё к специфике постсоветского литературного пространства, акцентируя внимание на ослаблении институциональных связей, усилении рыночного давления и снижении роли критики. Исследования подчеркивают, что, несмотря на фрагментацию и кризис институтов (падение авторитета «толстых» журналов, коммерциализация издательств), российское литературное поле сохраняет роль «символического зеркала» – пространства, где продолжают ставиться ключевые вопросы национальной идентичности и социальных трансформаций, даже если ответы на них теперь формулируются не в манифестах «властителей дум», а в текстах маргинальных авторов или в сообществах представителей цифровых субкультур [Капцев, 2014].

Российское литературное поле становится ареной беспрецедентной конвергенции культурного, цифрового и политического капиталов, где новые формы легитимности не просто дополняют старые – они переопределяют саму природу литературного процесса. Это ставит перед исследователями задачу создания новых теоретических моделей (или реинтерпретации существующих, как например, социологии литературного поля), способных адекватно описать эти трансформации и предсказать дальнейшее развитие литературы как социального института.

Цель настоящей статьи – представить текущее состояние российского литературного процесса, как его оценивают ведущие критики, объясняя изменения с опорой на теорию социальных полей П. Бурдьё. Критика, в том числе и в России, исторически играла значимую роль в литературном процессе, выступая не только посредником между текстом и читателем, но и активным участником формирования литературной моды и ее канонов, эстетических норм и идеологических рамок. Она выполняла функцию института легитимации, придающего определенным авторам и произведениям статус «высокой» литературы, а также участвовала в процессе распределения символического капитала в литературном поле.

Исследование основано на 35 полуструктурированных интервью с ведущими российскими литературными критиками. Информанты отбирались по трем критериям: публикации в престижных журналах («Журнальный зал»), участие в премии «Неистовый Виссарион», высокая публикационная активность (от двух до пяти публикаций в престижных изданиях в месяц).

Интервью включали открытые вопросы и охватывали темы: мнение о процессах в современной литературе, понимание роли критики, писательского труда, репутации и статуса писателя. Время интервью варьировалось от 30 минут до почти 3 часов, итоговый массив аудиозаписей составил около 50 часов. Затем был проведен тематический анализ материала: высказывания информантов группировались по повторяющимся темам и сравнивались между собой. Формат интервью позволил не только реконструировать тенденции в поле литературы, но и рефлексии самих участников поля – важные для понимания современной литературной среды изнутри.

Цифровой символический капитал в управлении писательской репутацией. Современное российское литературное поле переживает качественный сдвиг, который требует переосмысления классических моделей автономии и гетерономии Бурдьё. Отталкиваясь от его концепции, но учитывая новые реалии, мы видим, что ключевой трансформацией становится интеграция медийных (цифровых), экономических и политических факторов, создающих гибридный тип легитимности литературного поля. Этот новый тип легитимации не сводится ни к культурному, ни к экономическому капиталу в их традиционном

понимании. Литература сегодня – это не только произведения, но и медийные нарративы, сформированные в социальных сетях и мессенджерах, где тексты превращаются в мемы, а авторы – в инфлюенсеров. Этот процесс формирует новую структуру капитала писателя – «цифровой символический капитал», который основан на скорости распространения, вовлеченности аудитории и умелом управлении алгоритмами платформ.

В этих условиях традиционные институты – литературные премии, академические критики, государственные фонды – утрачивают монополию на определение художественной ценности произведения и статуса писателя. Вместо этого возникает параллельная система критериев, где успешность измеряется не эстетикой, а вирулентностью и экономической отдачей в цифровом пространстве. Но эта параллельность не означает распада литературного поля – наоборот, создается новая форма полифонии легитимностей, где акторы одновременно играют на нескольких «полях» и переключаются между ними в зависимости от стратегических целей.

Такая ситуация приводит к дестабилизации иерархий, сложившихся в книжно-печатной культуре, и формирует новую типологию литературных акторов: от классических писателей, которые все еще опираются на символический капитал автономного поля литературы, до гибридных медиапредпринимателей, способных превращать личность и тексты в комплексные медийные проекты. Их успех определяется не только художественным качеством, но и мастерством манипулирования платформенными механизмами, навыками создания комьюнити и многоуровневого брендинга: *«Платформы вроде Литреса или Author.Today не интересуются, кто ты. У тебя или есть читатель – или нет. Это экономика внимания без критической экспертизы»* (муж., 52 года, критик).

Угасание статуса литературы как основного источника культурной идентичности и самосознания также стало заметным трендом. Литература все чаще уступает место визуальным медиа, что снижает ее влияние на общественное сознание. Тем не менее, как утверждает один из информантов, *«кризис может стать катализатором поиска новых подходов к культурному развитию»* (жен., 35 лет, поэт, литературный критик). Появляются новые возможности для литературы, которые стимулируют ее изменения. Писатели стоят перед необходимостью искать инновационные формы взаимодействия с читателями, используя цифровые технологии и развивая новые каналы репрезентации: *«Сегодня литературное существование возможно без книги. Быть писателем – это в том числе и вести телеграм-канал, выкладывать главы на Author.Today, получать донаты»* (муж., 30 лет, критик). В условиях изменений литературного поля закрепляются мобильные, интерактивные формы культурной репрезентации авторов и их взаимодействия с читателями.

Современные формы литературной жизни в России демонстрируют высокий уровень гибкости и изменчивости. Писатели, критики, издатели, блогеры и читатели – все они участвуют в переконфигурации культурного пространства, в котором авторская репутация больше не является результатом исключительно текстовой работы или институционального признания. Она строится на пересечении нескольких логик: символической (связана с литературной значимостью, престижем в профессиональной среде), экономической (доходы от продаж, гонорары, гранты), цифровой (алгоритмическая видимость, вовлеченность аудитории) и политической (соответствие актуальным повесткам, лояльность институциям): *«Можно быть хорошим автором, но тебя никто не увидит. Видимость – это часть профессии. Ты должен не просто писать, а оказаться в правильное время в нужном месте»* (муж., 41 год, редактор, критик). Это делает литературное поле особенно чувствительным к изменениям не только внутри культуры и общества, но и на уровне технологий и глобальных трендов.

Один из ключевых признаков этих трансформаций – ослабление роли традиционных посредников. Если раньше путь к признанию проходил через литературные журналы, критиков, премии и академические круги, то теперь альтернативные маршруты становятся все более легитимными. Самиздат, социальные сети, платформы для размещения произведений, например, Patreon – все это формирует параллельные траектории репутационного

роста. При этом авторы, успешно существующие в цифровой среде, могут оставаться вне поля зрения традиционных институций, что указывает на фрагментацию системы литературного признания. Один из критиков говорит: *«Нобелевка – это красиво. Но на Литресе у автора с Нобелевкой рейтинг 3.4, а у автора с обложкой в стиле эротического фэнтези – 4.9 и сто тысяч скачиваний. И что с этим делать?»* (жен., 36 лет, поэт, критик).

Вызовы и возможности фрагментации литературного поля. Сетевой принцип передачи информации привел к диверсификации/фрагментации: представители разных литературных течений и школ, члены различных групп и сообществ проводят свою собственную канонизацию и определение литературной ценности: *«Писатели разобщены, читают друг друга в пределах какой-то одной группы или направления. Никакой связи между, условно, либеральным и патриотическим лагерем уже нет. Все разбилось на множество маленьких групп»* (муж., 68 лет, критик).

Появилось множество параллельных литературных миров, где новые и традиционные формы сосуществуют, а их взаимодействие нередко приводит к нестабильности в восприятии произведений и авторов: *«Раньше было понятно, на что ориентироваться: "Знамя", "Новый мир", "Октябрь" – они определяли, кто входит в литературу, а кто нет. Сейчас все распалось. Можно быть вполне заметным автором, но известным только внутри одного узкого круга»* (жен., 40 лет, критик). Солидарность критиков в отношении таких проблем указывает на их распространенность и силу влияния на литературное сообщество, работу писателей и в целом на то, что считается литературой.

Независимо от того, какие позиции занимают писатели в литературной иерархии или к каким течениям они принадлежат, фрагментация поля влияет на их карьерные траектории. Соответственно, становится важным не только обладание символическим капиталом в традиционном его виде (например, признание в интеллектуальных литературных кругах), но и умение маневрировать в новых условиях, где значительную роль играют социальные сети, цифровые платформы и медийные механизмы: *«Если ты не в сети, тебя нет. Автор без соцсетей сегодня воспринимается как анахронизм»* (муж., 44 года, критик). В такой динамичной ситуации писатели вынуждены искать новые формы самопрезентации и продвижения, что порой конфликтует с традиционными представлениями о писательской идентичности – ориентацией на замкнутость творческого процесса, дистанцированность от публичности и приоритет «чистой» литературы над маркетингом.

Процесс трансформации литературного поля также затрудняет оценку литературных произведений и авторов, создавая разрыв между тем, как произведения воспринимаются на массовом уровне, и тем, как их воспринимают критики и специалисты. Все эти изменения подталкивают к пересмотру традиционных критериев оценки и признания в литературе, что будет иметь значительные последствия для дальнейшего развития литературного процесса в России и других национальных литературных полях.

Децентрализация литературного пространства открывает новые возможности для независимых инициатив и расширяет возможности для региональных авторов. Однако децентрализация усложняет формирование общего культурного контекста и консолидацию литературного сообщества. Как отмечает один из информантов, *«разобщенность усиливает антагонизм и затрудняет конструктивный диалог»* (муж., 38 лет, прозаик, литературный критик), что подтверждает необходимость поиска путей для интеграции различных литературных течений. По мнению критиков, важной задачей становится формирование новых, гибких механизмов координации литературных акторов и обеспечение устойчивости литературного процесса в условиях его децентрализации.

Глобализация и цифровизация открыли перед российской литературой беспрецедентные возможности для интеграции в мировой контекст, но одновременно поставили острые вопросы сохранения культурной идентичности. Как отмечают эксперты, этот процесс носит парадоксальный характер: с одной стороны, российские авторы получают доступ к международной аудитории через цифровые платформы и новые медиаформаты, с другой – возникает риск растворения национальной специфики в глобальном

культурном потоке. Но, как показывают примеры успешных современных авторов, подлинная литературная ценность рождается не через поиск искусственного баланса, а в творческом напряжении между глобальными тенденциями и локальной традицией, где сама эта противоречивость становится источником новых художественных форм и смыслов. Ключевой вызов сегодня заключается не в том, чтобы сопротивляться изменениям или слепо им подчиняться, а в том, чтобы осмыслить уникальную позицию русской литературы в формирующемся глобальном культурном пространстве, сохраняя при этом ее художественную автономию и ценностные основания.

Одним из важнейших последствий рыночной децентрализации является сдвиг баланса между экономическим и символическим капиталом. Влияние рыночных принципов ведет к коммерциализации литературы, что способствует доминированию произведений, ориентированных на массового читателя, но не всегда обладающих высокой культурной ценностью. Как отмечает один из информантов, *«бестселлеры вытесняют сложные произведения, лишая литературу ее глубокой культурной ценности»* (муж., 38 лет, прозаик, литературный критик). Однако этот сдвиг не означает утрату литературной значимости. Напротив, он может рассматриваться как процесс адаптации литературы к новым условиям, где культурная ценность существует параллельно с коммерческими интересами: *«Каждый действует сам по себе: кто-то ведет канал, кто-то составляет альманах в своем городе, кто-то выпускает книги через небольшое издательство. Никто никому ничего не диктует – и это одновременно свобода и распад»* (муж., 33 года, критик). Важно, чтобы в условиях рыночной экономики находились механизмы сохранения культурной значимости произведений, что предполагает необходимость разработки новых форм канонизации, которые могли бы интегрировать как экономические, так и культурные аспекты.

Не менее значимым является изменение вкусовой парадигмы. В условиях глобализации и цифровизации вкус как регулятор литературного поля все больше формируется под влиянием популярной культуры, продвигаемой цифровыми платформами. В результате этого происходит расслоение литературы на сегменты для элитарного и массового читателя – сегменты, которые впоследствии сами распадаются на все более мелкие сегменты, – что затрудняет создание единой эстетической иерархии: *«Разобщенность усиливает антагонизм и затрудняет конструктивный диалог»* (муж., 38 лет, прозаик, литературный критик). Этот процесс фрагментации ведет к появлению новых форм литературной идентичности, где малые сообщества и регионы получают возможность утверждать свои уникальные культурные особенности.

Раздробление литературного пространства порождает конкуренцию между разными видами капитала. Символический капитал, связанный с интеллектуальной и художественной ценностью текста, может вступать в противоречие с популярностью в медиа или коммерческим успехом. Это обостряет вопросы каноничности, устойчивости литературной иерархии и роли экспертизы в условиях, когда каждый читатель потенциально становится рецензентом, критиком и куратором вкуса. Современный писатель оказывается в ситуации двойного давления: с одной стороны, он сталкивается с требованиями цифровой медиасреды, где важно постоянно поддерживать публичное присутствие, уметь адаптироваться к разным форматам и взаимодействовать с аудиторией; с другой – остается зависимым от традиционных институциональных структур, включая издательства, литературные премии, журналы, которые по-прежнему играют роль символических арбитров. Это приводит к парадоксальной ситуации: несмотря на рост инструментов самопродвижения и расширение каналов самовыражения, автор по-прежнему ограничен рамками литературного поля, в котором сохраняется неравномерность доступа к ресурсам и статусам: *«Раньше было ясно, кто считается признанным автором. Теперь же один и тот же автор может быть авторитетом и маргиналом одновременно – все зависит от того, кто его поддерживает»* (жен., 38 лет, поэт, критик). Репутация писателя все чаще формируется на пересечении нескольких регистров – художественного, социального, медийного – и требует от него не только текстового мастерства, но и способности быть культурным

предпринимателем, нередко действующим в условиях неопределенности и институциональной нестабильности.

Ресурс сетевого обаяния современного критика. Несмотря на разную оптику восприятия литературного процесса критиками, в интервью прослеживается ощущаемое поколенческое расслоение – не между «старыми» и «молодыми», а между теми, кто формировался в аналоговом литературном пространстве, и теми, кто начал карьеру уже в цифровом. Для первых критика – профессия с институциональной вертикалью, с обязательным «мы» (журнал, кафедра, школа, поколение). Для вторых – это уже горизонтальная практика: ситуативная, самостоятельная, часто совмещенная с ролями куратора, блогера, редактора или медиаперсоны. Меняется само понимание критической функции: от анализа и иерархизации к медиации и навигации. Фигура критика теперь может быть гибридной – Telegram-эссеист, YouTube-аналитик, рецензент, подкастер, комментирующий процесс «по ходу пьесы». Вместо монолога авторитетного голоса – многообразие точек входа и форм высказывания. Критик больше не сторож канона, а проводник в культуре, исполнитель институциональных функций: *«Критики как жюри интересны организаторам литературных премий. Читателям же проще заглянуть в аннотацию или найти отзыв в Интернете, чем в серьезный разбор»* (муж., 44 года, критик).

Хотя граница между «ветеранами литературного фронта» и новыми голосами редко проводится явно, различия в самовосприятии, профессиональной траектории и способах действия критиков говорят о настоящем тектоническом сдвиге. Те, кто начал карьеру в эпоху бумажных журналов и редакционных планерок, по-прежнему мыслят себя частью системы с четкими правилами: критик – фигура экспертная, связанная с институцией, ответственная за формирование вкуса и канона. Их высказывание – оформленное, выверенное, нацеленное на долговременный эффект. Они склонны оценивать, классифицировать, выносить суждение – и именно этим они дорожат. Их авторитет строится на принадлежности к интеллектуальному сообществу, а не на видимости в медиа.

Критики нового поколения – не столько антагонисты, сколько носители иного подхода, рожденного уже в условиях цифровой среды. Их пространство письма – платформа, их стиль – ситуативность, их сила – в гибкости. Многие из них приходят в литературу через другие культурные практики: кино, сериалы, интернет-поэзию, мемы. Они не столько «оценивают», сколько «разговаривают»: с текстом, с аудиторией, с другими медиаперсонами. Фигура критика становится множественной: он может быть одновременно эссеистом в «толстом» журнале, голосом в Telegram-канале, собеседником в подкасте, организатором читательского клуба и героем мемов в социальных сетях (в качестве примера можно привести литературного критика и поэта Бориса Кутенкова). Привычная иерархия – от рецензии к монографии, от «толстого» журнала к академической статье – размывается в пользу сети, флуктуации, доступности. Мы видим не исчезновение критика, а его трансформацию: от медиатора между произведением и читателем – к медиатору между различными культурными кодами. Это уже не строгий голос сверху, а участник культурного чата, способный одновременно и увлечь, и проанализировать. И пусть в этом мире меньше устойчивости, но больше – живого дыхания, личного выбора и сетевого обаяния.

В этой смене поколений, профессиональных ориентиров и медиасреды еще интереснее наблюдать, как рядом с «традиционным» критиком – будь то редактор журнала, преподаватель, рецензент на радио – возникают иные фигуры: обозреватель, блогер, книжный инфлюенсер. Они тоже говорят о литературе, тоже формируют читательские ожидания, но делают это в других условиях и другими средствами. Если критик традиционно опирается на академическую или институциональную легитимность, то обозреватель чаще действует в логике журналистской повестки: оперативно, доступно, с прицелом на широкую аудиторию. Блогер же вообще может работать в логике «своего» голоса – личного, стилистически узнаваемого, эмоционального. Между обозревателем и блогером много общего – оба часто высказываются от первого лица, оба работают в формате короткой формы, – но между ними все же пролегает водораздел: блогер строит отношения

с читателями как с подписчиками, «своими», близкими, а обозреватель – как с массовой публикой, с аудиторией, которой нужно передать информацию.

Тем не менее, и те и другие все чаще начинают выполнять функции, ранее закреплённые за критикой: рекомендовать, интерпретировать, ранжировать, «вписывать» текст в контекст. В этом смысле происходит не столько вытеснение критики, сколько ее расщепление и рассеивание – на множество голосов, платформ, стратегий. Так, цифровая среда не просто предлагает новые каналы, но и создает новые типы посредников между книгой и читателем, каждый из которых действует по своим правилам и с разной степенью ответственности перед профессиональным сообществом. Вопрос в том, кто теперь определяет, что такое «хорошо написанная книга». Ответ, судя по всему, будет уже не единственным.

Заключение. Современные трансформации статуса писателя и критика отражают фундаментальный сдвиг в характере литературного поля, которое сегодня существует в состоянии перманентной гибридизации. Если традиционная модель Бурдьё предполагала противостояние автономного (эстетического) и гетерономного (рыночного) полюсов, то цифровая эпоха порождает третье пространство – платформенную среду, где действуют новые законы легитимации – алгоритмическая избирательность, виртуальная акселерация (где скорость распространения превалирует над глубиной текста), гибридная репутация (совмещающая профессиональный и массовый успех) и платформенный патронаж (с заменой критиков на алгоритмы). Создается парадоксальная ситуация двойной легитимности, при которой традиционные институты (премии, «толстые» журналы) сохраняются, но вынуждены конкурировать с логикой соцсетей, требующей от авторов одновременно соответствовать противоречащим критериям – художественной ценности и виральной кликабельности. Соответственно, литературный капитал накапливается одновременно в нескольких, зачастую противоречащих друг другу системах координат.

Кроме того, возрастающее влияние цифровых платформ и социальных алгоритмов на культурное потребление поднимает проблему видимости. То, что оказывается в поле зрения аудитории, определяется не только качеством произведения, но и его способностью «встраиваться» в цифровую инфраструктуру – от SEO-заголовков до привлекающих визуальных форматов. Таким образом, автор вынужден учитывать логику платформенного успеха, которая зачастую противоречит логике художественной глубины. В этом смысле цифровая среда не просто трансформирует литературное поле – она диктует новые правила построения репутации.

Тем не менее, в этой новой системе появляются и позитивные возможности. Расширение доступности, возможность прямого взаимодействия с читателем, децентрализация каналов публикации – все это способствует возникновению более гибких и разнообразных форм литературной жизни. Молодые и маргинализированные авторы получают шансы быть услышанными, минуя институциональные барьеры.

При этом ключевым парадоксом становится сохранение культурной функции литературы в условиях радикальной медиатизации. С одной стороны, цифровые платформы и алгоритмы рекомендаций трансформируют саму природу текста, превращая его в элемент контент-стратегии. С другой – даже в этом качестве литература продолжает выполнять работу по артикуляции коллективного опыта.

Особенность российского контекста заключается в наложении нескольких сдвигов: институционального (разрыв с советской системой литературного производства), технологического (переход к цифровым платформам) и экономического (резкий переход к капиталистической логике развития). В результате литературное пространство в России сегодня представляет собой лабораторию адаптационных стратегий, где сосуществуют государственно-спонсируемые проекты, маргинальные практики андеграунда и коммерчески успешные гибридные формы. В этих условиях репутация писателя становится не столько результатом накопления капитала, сколько постоянной работой по его

перенастройке, удержанию и трансформации. А значит, исследование литературы сегодня – это одновременно и исследование власти, и культурного производства.

Важно подчеркнуть, что исследование этих процессов требует гибких методологических подходов, сочетающих как социологические, так и медиакритические, культурологические и политэкономические перспективы. Одного теоретического инструментария Бурдые уже недостаточно: необходимо учитывать влияние сетевой логики, алгоритмического управления вниманием, новых форм «цифровой харизмы» и пересборки публичности в условиях цифрового капитализма. Только такой синтез позволяет адекватно описать современную динамику, где литература, утрачивая монополию на культурное высказывание, обретает новые – пусть и более фрагментированные – формы социальной релевантности. И фигура писателя, и фигура критика в современной России претерпевают существенные трансформации, отражающие более широкие процессы, происходящие в культурной, медиатехнологической и институциональной средах. Эти изменения затрагивают не только формы литературной деятельности, но и ее смысл, цели, каналы распространения и механизмы легитимации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдые П. Поле литературы // НЛО. 2000. № 5. С. 22–87.
- Даниленко Ю.Ю., Крендель А.Б. Массовая литература в современной России: вызовы цифровой эпохи // Вестник ПермГУ. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. Вып. 2. С. 86–93.
- Дубин Б.В. Очерки по социологии литературы. М.: НЛО, 2017.
- Головнёва А.В. «Миры легитимности»: стратегии легитимации писателей-прозаиков в российском поле литературы // Экономическая социология. 2015. Т. 16. № 1. С. 38–62.
- Иванова Н.Б. Текст и контекст: работы о новой русской словесности. М.: Время, 2024.
- Капцев В.А. Трансформация образа современного писателя: от общественного статуса к медийному имиджу. Минск: БГУ, 2014.
- Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой: сб. науч. ст. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2018.
- Рейтблат А.И. Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: НЛО, 2014.
- Сапиро Ж. Французское поле литературы: структура, динамика и формы политизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 5. С. 126–143.
- Dubois S. The price of rhymes: The evolution of poets' status throughout history // Poetics. 2018. Vol. 70: 39–53. DOI: 10.1016/j.poetic.2018.07.002.
- Habinek J. How the Nobel became a world prize: Scalar mediation in the global literary field // Poetics. 2023. Vol. 100. October. DOI: 10.1016/j.poetic.2023.101822.

Статья поступила: 15.04.25. Финальная версия: 06.07.25. Принята к публикации: 06.08.25.

THE RUSSIAN LITERARY FIELD IN THE 21st CENTURY: ASSESSING ITS STATE THROUGH INTERVIEWING THE CRITICS

RIAZANTSEV A.P.

HSE University, Russia

Alexander P. RIAZANTSEV, Postgraduate Student, HSE University, Moscow, Russia (ariazantsev@hse.ru).

Abstract. The study examines the transformation and disintegration of institutional structures within the Russian literary process during the 21st century, analyzing how post-Soviet commercialization and digitalization have reshaped the field. Through interviews with 35 literary critics, the research traces evolving forms of literary existence, recognition mechanisms, and the changing status of writers. Building on Bourdieu's field theory, the work documents a paradigm shift from hierarchical, institutionally-embedded systems to fragmented, networked and unstable configurations of the literary field. The findings reveal literature's adaptive capacity despite the crisis of traditional institutions, demonstrating how creative work maintains symbolic value while losing former economic and institutional support. These transformations represent a social process generating new forms of cultural agency among writers, critics, publishers and digital platforms. Hybrid interaction formats emerge between: authors and readers, literary institutions and commercial structures, traditional media and social networks. Consequently, a text's symbolic value now derives not just from traditional arbiters (writers' unions, established journals) but equally from networked communities, platform algorithms and market mechanisms. This dual legitimization creates constant tension between autonomous artistic principles and heteronomous market/digital logics. The study ultimately maps how Russian literature negotiates its position amid competing value systems, where institutional authority coexists with decentralized, algorithmically-driven recognition processes in the digital age.

Keywords: sociology of literature, literary critics, interviews, social field, writer's reputation, commercialization, digitalization

REFERENCES

- Bourdieu P. (2000) The Field of Literature. *NLO* [New Literary Review]. No. 5. 22–87. (In Russ.)
- Danilenko Yu. Yu., Krendel A.B. (2019) Mass Literature in Modern Russia: Challenges of the Digital Age. *Vestnik PermGU. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology]. Vol. 11. No. 2: 86–93. (In Russ.)
- Dubin B.V. (2017) *Essays on the Sociology of Literature*. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Dubois S. (2018) The Price of Rhymes: The Evolution of Poets' Status Throughout History. *Poetics*. Vol. 70: 39–53. DOI: 10.1016/j.poetic.2018.07.002.
- Golovneva A.V. (2015) «Worlds of Legitimacy»: Strategies of Legitimation of Prose Writers in the Russian Literary Field. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. Vol. 16. No. 1. 38–62. (In Russ.)
- Ivanova N.B. (2024) *Text and Context: Works on New Russian Literature*. Moscow: Vremya. (In Russ.)
- Kaptshev V.A. (2014) *Transformation of the Image of the Modern Writer: From Social Status to Media Image*. Minsk: BGU. (In Russ.)
- Cult Goods: Mass Literature in Modern Russia Between Letter and Digital* (2018) St. Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena. (In Russ.)
- Habinek J. (2023) How the Nobel Became a World Prize: Scalar Mediation in the Global Literary Field. *Poetics*. Vol. 100. October. DOI: 10.1016/j.poetic.2023.101782.
- Reitblat A.I. (2014) *Writing Across: Articles on Biography, Sociology, and Literary History*. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Sapiro G. (2004) The French Literary Field: Structure, Dynamics, and Forms. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 7. No. 5. 126–143 (In Russ.)

Received: 15.04.25. Final version: 05.07.25. Accepted: 06.08.25.